

Пентхаус, в котором они трахались, не принадлежал никому из них. Однако они вели себя так, будто это было их законное право. Повсюду были разбросаны лужи спермы. Одежда была забыта. Остались только мужчина и женщина, обнажённые и голодные друг до друга.

Женщина с синей кожей прильнула к высокому белому мужчине и неистово целовалась с ним. Его член выпирал дальше её тела — тринадцать дюймов в длину, бледный и тяжёлый. Её изящная рука надрачивала ему.

Оторвавшись от поцелуя, она уставилась ему в глаза. — Ты не Жерар, — прошептала она.

Шлёп! Шлёп! Шлёп!

Роковая вдова не переставала дрочить ему и заглядывать в душу. Просто благодаря сексу программа, которую «Коготь» вдалбливал в неё, разрушилась. Роковая вдова всё ещё помнила, её навыки были нетронуты, но она стала другой. Изменилась.

— Я же сказал, я Уильям.

Её дыхание было тяжёлым, а французский акцент отчётливо проступал в английском. — Ты собираешься сделать мне ребёнка?

Бровь приподнялась. Он не понимал, что её программа распадается, что воспоминания сливаются воедино и сплавляются в одну мысль.

Шлёп! Шлёп! Шлёп!

Роковая вдова ускорила. — Жерар пытался, — сказала она. — Каждые выходные он заливал меня спермой. Но он никогда...

— Не мог дать тебе того, чего ты хотела?

То, чего она хотела... был ребёнок. До промывки мозгов это было её главным желанием. Возможно, если бы Жерар успешно сделал ей ребёнка, Роковая вдова не позволила бы себя контролировать. Возможно.

— Он был моим мужем, — сказала Роковая вдова бесстрастно. — Я убила его. И теперь... у меня ничего нет.

Её муж любил её. Заливал её спермой. Что ж, эта задница того заслуживала, так что Уильям не мог винить его за попытки.

«Прости, Жерар, но отныне...»

— У тебя есть я. Назови своё имя.

— Это... Амели Лакруа.

Имя звучало чуждо на её языке. Тридцатипятилетняя женщина решила, что ей оно нравится. Ей нравилось её имя, и ей нравилось говорить его мужчине, который освободил её. Уильям занимал место Жерара. Роковая вдова принадлежала ему.

Шлёп! Шлёп! Шлёп!

Полностью твёрдый, полностью готовый, он трахнул её и залил спермой ещё два раза. После этого, всё ещё не уставшая, она опустилась на колени.

Её жёлтые глаза были прикованы к массивным, пульсирующим яйцам Уильяма, которые тяжело свисали между ног, как парные сферы силы. Она всё ещё чувствовала боль в теле после часов, проведённых вместе, когда его тринадцатидюймовый член доминировал над ней так, как она не считала возможным. Но теперь настала её очередь взять контроль — или хотя бы загладить вину.

— Столько спермы вышло...

Солнце сияло позади них. Его спина была залита светом, и Роковая вдова наслаждалась тем, как свет отбрасывает блики на его мошонку.

— Чудо, не правда ли, учитывая то, что ты сделала, — заметил Уильям.

Тёмно-фиолетовые губы коснулись его чувствительной мошонки, дыхание было тёплым и дразнящим. — О, mon cher, — промурлыкала она, в голосе звучала притворная жалость. — Больно было, когда я пнула тебя? Неужели мужчины такие... хрупкие? — её язык скользнул, медленно и неторопливо проводя по нижней стороне яиц. Она чувствовала, как они дёргаются в ответ.

Уильям застонал, его руки сжали край ближайшего стола. После всего этого траха он едва помнил, куда они забрели. Кто бы ни владел этим пентхаусом, его, несомненно, ждал приятный сюрприз по возвращении.

— Тебе повезло, что я не оттрахал тебя до бесчувствия после того трюка. Но вот ты здесь, на коленях, как будто так и надо.

Роковая вдова усмехнулась, её пальцы нежно обхватили его яйца, ощущая их тяжесть на

ладони. — Возможно, так и есть, — прошептала она, мягко поцеловав основание ствола. — Но не думай ни на мгновение, что это значит, что я сдалась. Что ты можешь просто сломать меня. Я по своей сути — соперница.

— И всё это?

Лизать его яйца? Целовать мошонку до самого основания члена? Что всё это значит? Он усмехнулся.

— Я просто... извиняюсь. — её язык снова высунулся, на этот раз обводя одно из его яиц, наслаждаясь солоноватым привкусом его кожи.

— Бля, — прошипел Уильям, его бёдра непроизвольно дёрнулись. Эта женщина и её язык были чем-то особенным. Мэй была застенчивой и мучилась с его головкой. Хане просто нравилось экспериментировать и сходить с ума. Но Роковая вдова...

Она была методична. Она делала это раньше. Она была обучена этому. Она купалась в сексапильности и мастерстве.

— Ты не извиняешься. Ты просто подсела на этот член.

Она тихо рассмеялась. — Возможно, так и есть. — она покрыла поцелуями другую сторону его мошонки, крепко сжимая её. — Но можешь ли ты винить меня? Посмотри на себя. Мм, какой член! И эти драгоценности... я таких никогда не видела. — её язык прижался к коже, широко проведя снизу доверху, её глаза не отрывались от его лица, несмотря на член, загораживающий обзор.

Челюсть Уильяма сжалась. — Продолжай в том же духе, и я, возможно, прощу тебя.

Все эти мерзкие пинки, и она поклонялась его члену с равной долей любви и преданности. Вся эта боль, и она утроила количество удовольствия.

Пальцы Роковой вдовы слегка сжались вокруг его мошонки, придавая яйцам форму. Затем её ногти слегка скользнули по чувствительной коже, достаточно, чтобы он ахнул. — О, я сделаю больше, чем просто поговорю, — пообещала она, и в тот момент её губы обхватили его левое яйцо, нежно, но крепко посасывая. Ощущение послало электрический разряд по телу Уильяма, его член яростно дёрнулся, когда из головки выступила капля предэякулята.

— Господи Иисусе, — пробормотал он, запрокинув голову и пытаясь сохранить самообладание.
— Роковая вдова...!

Она слегка отстранилась, кончиком языка коснувшись того места, которое только что сосала. Её руки принялись массировать его яйца, нежно, но настойчиво разминая их, пальцы

двигались в идеальном ритме с её ртом. Она чувствовала, как они тяжелеют в её руках. — Ой, такой милый, любовь моя~!

Французский акцент и следующий за ним похотливый поцелуй. Слюна, капающая с её боготворящих губ — его яйца были её спасением. Бляяя!

Хватка Уильяма на столе усилилась, костяшки пальцев побелели. Позади него оказалась картина, понял он. Дорогая. Стол врезался в стену, когда он навалился на него. — Ты заставишь меня взорваться...!

Роковая вдова посмотрела на него из-под ресниц. Продолжая сосать его левое яйцо, её губы изогнулись в злой улыбке. — В этом и суть, — сказала она, высунув язык и медленно проведя им по нижней стороне мошонки. Она чувствовала, как напряжение нарастает в его теле, как его яйца сжимаются в её руках, когда он приближается к краю.

Она гладила, лизала, делала всё. Эти извинения стоили тех ударов по яйцам.

— Чёрт, оно того стоило, — простонал он, и его освобождение наконец настигло его. Его член покраснел, и густые струи спермы взлетели в воздух над ней. Величественно и приземлились на диван впереди горячими, липкими полосами. Роковая вдова тихо хихикнула, её пальцы всё ещё массировали его яйца, пока он кончал, выжимая из него каждую каплю.

Залпы продолжались. Диван был почти в десяти футах, и его член, не встречая преград в виде женщины или горла, отправлял свой заряд так далеко, как только мог. Это было поистине величественно. Это действительно стоило поклонения.

— Mon Dieu. — Роковая вдова улыбнулась и приоткрыла губы, глядя через плечо на устроенный им беспорядок. — Ты действительно нечто, да? Мм, какой член. — она встала. Её рука продолжала гладить его яйца. Однако он опустел, по крайней мере, пока.

Он тяжело дышал, их взгляды встретились, и её руки скользнули к его мокрому члену. — Слышишь?

Его уши горели. Он не слышал ничего, кроме биения собственного сердца и её движений. — Что?

Она хихикнула. Когда она хихикала, его член дёргался и выплёвывал ещё немного спермы. — Рано или поздно владельцы придут, mon cher. Нам нужно прибраться, не так ли?

— Ага. Конечно. — сказал он ошеломлённо.

Когда она отпустила его, ноги стали такими слабыми. Уильям решил:

«После этого я отведу её в хороший ресторан».

Хана и Мэй могут подождать. Он же сказал, что у него дела. Они не будут возражать.

Пентхаус, в который они случайно вломились, был образцом современной роскоши в Токио: изящные линии и панорамные окна от пола до потолка, обрамляющие мерцающий горизонт. А также там были платья и костюмы всех размеров. Уильям отошёл в сторону и переоделся. Он стоял перед зеркалом в полный рост, поправляя бабочку позаимствованного смокинга. Ткань идеально облегла его широкие плечи, белоснежная рубашка подчёркивала рельеф груди. Он провёл рукой по тёмным волосам.

Он отбилсЯ от покушения, трахнул своего киллера и теперь собирался на свидание с ней. Вот это история для внуков.

— О боже. Я поражена, что ты смог вместить всё это в такие хлипкие штаны, mon cher.

Позади него Роковая вдова прислонилась к дверному косяку, скрестив руки, её жёлтые глаза сверкали от любопытства. Её броня и всё остальное было сброшено. Вместо этого она была воплощением в глубоком алом платье, которое облегло её стройную фигуру, как вторая кожа. Декольте было достаточно глубоким, чтобы дразнить, а разрез сбоку открывал длинную подтянутую ногу, которая, казалось, уходила в бесконечность. Её синяя кожа мерцала в мягком свете, а губы изогнулись в хитрой улыбке, когда она смотрела на него.

— Ты хорошо выглядишь. — в её французском акценте слышалась низкая, бархатистая нота, которая делала её ещё более желанной. — Но мне кажется, тебе кое-чего не хватает.

Уильям повернулся к ней. — О? И чего же?

Её красные каблуки процокали по полированному полу. Её пальцы скользнули по его груди, спускаясь к поясу брюк. — Немного... напряжения, — прошептала она. Она сжала его мошонку через штаны. — Мм, оно здесь. Без боксеров?

— Не нашёл.

Скорее, костюмы были слишком узкими, чтобы он мог позволить себе боксеры. Один из многих недостатков быть одарённым как конь.

Её пальцы уже почти расстегнули ширинку, когда он перехватил её запястье. — Терпение, Амели. Нам нужно на ужин.

Её губы дрогнули при упоминании настоящего имени, но она не отстранилась. Вместо этого она придвинулась ближе, прижимаясь к нему телом. — Ужин может подождать, — прошептала она, — или ты боишься того, что может случиться, если мы останемся здесь слишком долго?

Эта демоница, высасывающая яйца... боже. Яйца Уильяма сжались, но он отступил, отпуская её запястье. — Потом, — твёрдо сказал он, хотя жар в его глазах выдавал его решимость. — Нас ждёт свидание, Амели Лакруа.

О, её полное имя. Это заставило её подчиниться.

Роковая вдова драматично вздохнула и последовала за ним из пентхауса, её бёдра покачивались при каждом шаге. Поездка на лифте вниз, к ресторану, была наполнена напряжением, их отражения в зеркальных стенах то и дело встречались взглядами. Она прислонилась к стене, скрестив ноги, её платье приподнялось ровно настолько, чтобы яйца Уильяма сжались.

«Эта шлюха...»

Роковая вдова — Амели Лакруа — была создана с фигурой «песочные часы», способной соблазнять. Не с нелепо большой грудью, но с великолепными формами, задницей, бёдрами и голосом.

Двери лифта открылись, и перед ними предстал ресторан. Это был шедевр сдержанной алой элегантности, с мягким освещением, удобными креслами и панорамным видом на город. Алый ресторан для женщины в красном. Как мило. Никто не заметил, что они вышли из специального лифта для пентхауса. Они выглядели соответствующе. Нарядные платья и костюмы. Их посадили за угловой столик, где полупрозрачная ширма давала достаточно уединения, но не отрезала их полностью от остального зала. Роковая вдова скрестила ноги, когда села, разрез на её платье распахнулся, открывая ещё больше гладкой синей кожи. Возможно, другие видели это.

Уильям не мог не смотреть на изгиб её декольте. Он заставил себя отвернуться. — Итак, — сказал он, беря меню. — Что ты посоветуешь?

— С чего ты взял, что я здесь была?

— Чутьё.

Правильное чутьё, судя по её усмешке. Она слегка наклонилась вперёд, так что вырез платья опустился ещё ниже. — Я здесь не ради еды, но если ты настаиваешь. Я слышала, устрицы... возбуждают.

Каждое. Грёбаное. Слово. Чистая похоть. Что «Коготь» сделал с этой девушкой? Боже, дайте

его бедным яйцам передохнуть!

Он улыбнулся. — Ты не облегчаешь задачу, знаешь ли.

— Хорошо, — ответила она, её нога коснулась его ноги под столом. — Я и не старалась. А теперь, — она небрежно подозвала официанта, — мне, пожалуйста, суши с жирным тунцом.

Официант посмотрел на Уильяма. Уильям задумчиво хмыкнул. — Мне то же самое.

— Не забудьте шоколад, а, дорогой?

Молодой официант покраснел. Идеальный японский с эротическим французским акцентом? Небольшая демонстрация её груди? Похоже на что-то из порно. Роковая вдова хихикнула.

— Амели Лакруа, ты довольно непослушна, да?

Роковая вдова приподняла бровь. — Уже используешь полные имена?

— Почему нет? Тебе нравится, правда? Или хочешь, чтобы я называл тебя Вдовой?

— На публике я — Вдова. В постели, — прошептала она, усмехаясь, — я предпочитаю быть твоей Амели~

— Наконец-то прямой ответ от тебя.

После этого их разговор полился легко. Были колкости, поддразнивания по поводу выбора еды и множество двусмысленностей. Нога убийцы не покидала его ногу, её пальцы вырисовывали ленивые круги вверх и вниз по его икре, прежде чем подняться выше.

— Ты отвлекаешь меня, — наконец сказал он, просто улыбаясь.

Она наклонила голову, изображая невинность. — Правда? Я просто сижу здесь и наслаждаюсь едой.

Её нога поднялась ещё выше, надавливая на растущий бугор в его штанах. Дыхание Уильяма перехватило. — Осторожнее, — предупредил он. — Ты играешь с огнём.

Она рисовала круги. Её каблук упали, и пальцы ног схватили его ширинку и медленно потянули вниз.

Улыбка Роковой вдовы стала шире, и она откинулась на спинку стула, её нога всё ещё была зажата в его хватке. — Я же говорила, я — соперница. Я не боюсь обжечься.

Мог ли его дряблый член пролезть в отверстие, которое предлагала ширинка? Чёрта с два. Поэтому она умело расстегнула его штаны. Всё произошло так быстро. Внезапно Уильяму пришлось придвинуть стул вперёд и просто выпустить член.

Потому что эта шлюха перед ним не хотела иначе.

Член Уильяма пульсировал, ощутив свежий воздух. Им не нужно было смотреть, чтобы оценить почти комичный размер. Почти фут толстой, жилистой плоти, уже твёрдой и сочащейся предэякулятом, дёргался под столом. Роковая вдова — Амели — усмехнулась и захотела большего. Её жёлтые глаза сверкали озорством, когда она скользнула ногой вперёд, мягкая подошва босой ступни коснулась основания его ствола.

— Mon Dieu, — промурлыкала она, голос сочился тем чувственным французским акцентом, от которого его яйца сжимались. — Ты не преувеличивал, да? Это...

magnifique

.

Над столом она говорила об особой японской колбасе. Сравнивать её с его членом было позорно, по размеру и по форме. Она откусила кусочек, и обе её ступни сомкнулись вокруг его члена. Уильям сдержал стон, когда она начала медленно гладить его, обе ступни двигались вверх-вниз по его длине с дразнящим ритмом. Её другая нога на мгновение исчезла, только чтобы вернуться. Свод другой ступни надавил на нижнюю сторону его мошонки, создавая восхитительное трение, от которого его бёдра непроизвольно дёрнулись.

— Бля, Амели, — прошипел он. — Ты сведёшь меня с ума.

Она рассмеялась низким, гортанным смехом, от которого по его спине пробежали мурашки. — Хорошо. В этом и суть, mon cher. — её ноги двигались в унисон, одна скользила вверх, пока другая надавливала вниз, ощущение её мягкой кожи на его твёрдом члене сводило его с ума. Она была хороша в этом — слишком хороша. Каждое движение было просчитано, каждый взмах был призван подтолкнуть его к краю, не давая перевернуться через него.

Дыхание Уильяма стало коротким и прерывистым, он пытался сохранить самообладание, но это было невозможно. Её ноги были просто волшебными, как они обвивались вокруг него, сжимая и гладя, давление было идеальным. Он чувствовал, как жар нарастает в его яйцах, как напряжение сжимается всё туже с каждым касанием её пальцев.

— Мм, я знаю. — она доела последний кусок колбасы палочками. Бля, он едва мог

сосредоточиться на еде, но старался изо всех сил. Он ел, как и Роковая вдова. Он ел суши или что-то вроде того. Его зрение затуманилось.

«Э-эта проклятая женщина...!»

Она не сказала ни слова. Её усмешка говорила о многом. — Тебе нравится чувствовать мои ноги на твоём большом твёрдом члене? Я чувствую, как сильно ты меня хочешь, Уильям. Ты пульсируешь.

Он откусил слишком много суши и васаби, запрокинув голову. Её ноги двигались быстрее, и звуки начинали просачиваться наружу. О да, они сидели за угловым столиком с защитной стеной, но это не означало, что они невидимы. В ресторане было около пятидесяти человек.

— Ннгх!

Но, конечно, она продолжала. Другие не имели значения, только он и его член. — А-Амели... — когда он уже был готов переступить грань, она замедлила движения, её ноги замерли вокруг его члена. Глаза Уильяма распахнулись, его грудь вздымалась, когда он в недоумении уставился на неё. — Какого чёрта, Амели?

Она усмехнулась, её губы изогнулись в этой невыносимо сексуальной улыбке, когда она откинулась на спинку стула, её ноги всё ещё лежали на его члене, но больше не двигались. — Терпение, mon cher, — сказала она дразнящим тоном. — Мы на публике, помнишь? Мы не хотим устраивать сцену.

Прежде чем он успел возразить, её ноги ловко застегнули его штаны обратно, несмотря на массивный бугор, давящий на ткань. Уильям стиснул зубы, его член болел от потребности, а она заперла его обратно в штаны, давление только усиливало его твёрдость.

— Ты чертовски злая, — прорычал он.

Она рассмеялась, звук был лёгким и беззаботным. Чтобы сделать всё хуже, она подозвала официантку. — Десерт, пожалуйста, — мило сказала она, не сводя глаз с Уильяма. — Что-нибудь... изысканное.

Официантка кивнула и поспешила прочь, оставив их наедине. Роковая вдова снова наклонилась вперёд: её декольте было полностью открыто, когда она опёрлась подбородком на руку.

— Ты выглядишь некомфортно, — невинно сказала она. — Что-то не так?

Уильям сверлил её взглядом, его член болезненно пульсировал в штанах.

Прежде чем он успел ответить, она потянулась к своему стакану с водой и намеренно опрокинула его. Жидкость разлилась по столу, пропитав её алое платье и стул под ней. Она драматично ахнула, вставая и стряхивая мокрую ткань. — О нет, — сказала она голосом, полным притворного огорчения. — Какой беспорядок.

«Что она задумала...?»

Уильям не успел ничего предложить, как она сказала: — Думаю, мне нужно новое место.

Если и были сомнения в её вопросах, то сейчас она их развеяла. С ошеломляющей скоростью она скользнула к нему на колени, её задница прижалась к бугру его члена. Руки Уильяма инстинктивно обхватили её талию, чтобы удержать, — пока он не отпустил её со стоном. О бя. Эта задница была здесь не для развлечения. Она спланировала это. Она хотела этого. Она слегка качнулась, прижимаясь к нему, и он с удивлением понял, что под платьем на ней ничего нет.

— П-подожди, — пробормотал он сквозь зубы, его хватка на её бёдрах усилилась. — П-просто подожди!

Роковая вдова тихо рассмеялась, её дыхание было тёплым на его шее. — Мои будущие дети там, — поддразнила она. — Лучше убедиться, что я забочусь о дающих жизнь. О, а вот и он! Мой десерт!

Она приподнялась, хотя не без того, чтобы её задница не получила свою долю его члена.

«Б-бля, подожди...»

Слишком поздно. Он кончил прямо в штаны, и всё это время Роковая вдова очаровывала официанта, взяла тарелку с «Чёрным лесом» и села, наблюдая, как он сжимает кулак на столе, тяжело дыша и кончая в свои несчастные, шикарные штаны. Те нелепые залпы спермы, которые она когда-то глотала и позволяла заливать свою матку, теперь были заперты в его бедных, шикарных штанах.

— Б-бля...! — прорычал он. Он продолжал кончать. Обратная сторона большого члена и яиц — он просто не мог остановиться. Его сперма пропитала украденные чёрные носки. Он выдохнул. Он пытался контролировать себя. Он провалился.

Он купился — на удочку, наживку и поводок.

— Миссия выполнена. — Роковая вдова облизала шоколад с губ. — Я заставила цель... взорваться.

Не только после, когда оргазм Уильяма утих и он был в режиме восстановления, Роковая вдова

позвонила.

Двери лифта закрылись, заключив их в зеркальную коробку мягкого золотого света. Уильям неловко пошевелился, липкое месиво в его штанах прилипало к коже, как жестокое напоминание о более ранних муках Амели. Он чувствовал её взгляд на себе, эти пронзительные жёлтые глаза с хищным блеском впитывали его дискомфорт. Она небрежно прислонилась к стене, скрестив ноги, её алое платье приподнялось ровно настолько, чтобы его член дёрнулся, несмотря на унижение.

Ей нравилась эта поза, да?

— Ты выглядишь... напряжённым. Тебя что-то беспокоит, *mon cher*?

Уильям сверкнул на неё взглядом. — Ты прекрасно знаешь, что меня беспокоит. — лифт тихо жужжал, спускаясь, но напряжение между ними было электрическим, потрескивающим, как оголённый провод.

Амели усмехнулась, её губы изогнулись в этой невыносимо соблазнительной улыбке. — О, не будь таким драматичным, — сказала она, приближаясь. Её каблуки цокали по полированному полу, каждый шаг был обдуманным, просчитанным. Она протянула руку, её пальцы коснулись его груди, скользнув вниз, к поясу брюк. — Это просто небольшой... беспорядок. Ничего, что такой мужчина, как ты, не может выдержать.

Он перехватил её запястье, хватка была твёрдой, но не грубой. — Ты слишком наслаждаешься этим.

— Конечно, наслаждаюсь, — ответила она чувственным шёпотом. — Я Роковая вдова. Это моё ремесло. — она наклонилась ближе, её дыхание коснулось его уха. — А ты, Уильям, моя любимая игрушка.

Лифт издал звуковой сигнал, возвещая о прибытии на первый этаж. Амели отступила, поправив платье с отработанной элегантностью, от которой его кровь вскипела. Она взглянула на него через плечо, её усмешка стала шире. — Идём, *mon cher*. Нас ждёт машина.

Эта её задница...

«Я не могу дождаться, чтобы оттрахать тебя до потери сознания».

Снаружи у обочины стоял чёрный лимузин. Затемнённые стёкла отражали неоновое сияние города. За рулём был шофёр в форме, он держал дверь открытой с вежливым кивком. — Как ты вообще...?

— Деньги и множество моих образов.

Простой ответ, и объясняющий достаточно. Она была в списке самых разыскиваемых Overwatch. Чтобы иметь возможность разгуливать среди бела дня, женщина обладала множеством фальшивых личностей и банковских счетов.

Амели грациозно скользнула внутрь. Уильям последовал за ней, его шаги были тяжёлыми от разочарования и желания.

Интерьер лимузина был воплощением роскоши: мягкие кожаные сиденья, мягкое окружающее освещение и мини-бар, уставленный дорогими напитками. Амели устроилась в углу, скрестив ноги так, что разрез на её платье распахнулся ещё больше. Она взяла бокал и налила себе выпить, не сводя с него глаз.

— Расслабься, — сказала вдова, медленно и неторопливо отпивая напиток. — Ты натянута, как пружина.

Уильям опустился на сиденье напротив, его руки сжали край кожаной подушки. — Ты не облегчаешь задачу.

— Хорошо. Я и не старалась. — она поставила бокал и наклонилась вперёд, опираясь локтями на колени. — Скажи, Уильям... ты хочешь, чтобы я облегчила тебе задачу?

Он не ответил, но его член дёрнулся в ответ, напрягаясь в тесных штанах. Улыбка Амели стала шире, и она сползла с сиденья, опустившись на колени между его ног. Её руки легли на его бёдра.

Наконец. Наконец. После всего этого ужина и манёвров они наконец оказались здесь. Лимузин ехал, и он собирался снова ощутить горло вдовы.

— Позволь мне помочь тебе, — прошептала она, её пальцы двинулись к его ремню. Она расстегнула его. Следом пошла ширинка, звук раздался громко в тишине лимузина. Она стянула его штаны ровно настолько, чтобы освободить его член, и он застонал, когда прохладный воздух коснулся его разгорячённой плоти.

Глаза Амели слегка расширились, когда она взяла его в руки — толстый, пульсирующий и невероятно длинный. Это был её второй раз, когда она действительно смотрела на его член. — Mon Dieu, — выдохнула она, голос был полон благоговения. — Ты действительно зверь, да? Твой член больше моей головы.

Её взгляд был устремлён вверх, пока она не решила встретиться с ним взглядом и усмехнуться. Она обхватила его рукой. Вовсе не нежно, а настолько туго, насколько это было возможно. Она медленно гладила его, большой палец скользил по чувствительной головке.

— Такой твёрдый, — сопровождая чувственными движениями и шёпотом. — Такой отчаянный во мне~

Она поцеловала головку его члена. Громкое «Мва!»

Его руки сжали край сиденья. Это был тот самый момент.

— Мва! Мва! — ещё три поцелуя, и она открыла рот, медленно принимая его, дюйм за мучительным дюймом. Её язык обвивался вокруг него, дразня и пробуя на вкус. В ней была эта обдуманность. Это... это чувство плана. Их первая ночь вместе была чистым инстинктом. Роковая вдова пыталась перетрахать его за счёт выносливости и физической подготовки, и она проиграла.

Но с техникой, с терпением именно она сводила его с ума. Именно он запрокидывал голову на спинку сиденья. Её движения были движениями горла, она без проблем брала половину его члена. А затем, вскоре, и весь.

Горячая девушка в алом платье. Бывшая убийца. Проглатывающая все тринадцать дюймов, как будто это пустяк. Сохраняющая зрительный контакт. Сохраняющая своё высокомерие и рассудок.

Он ругался, смешивая японский и английский. Его яйца гудели. — Мой член...

С Мэй акцент был на головке. С Ханой — дразнилки и борьба. С Роковой вдовой — только точность.

Действительно, она сделала кое-что, от чего его глаза распахнулись в шоке — её язык опустился ниже, лизая его яйца, в то время как она одновременно брала его в горло.

«Она... она только что лизнула мои яйца, пока брала меня в горло?»

Она сделала это — и сделала это снова. Она вдавила горло, а затем провела языком по его мошонке.

Господи, помилуй. Overwatch, помилуй. «Коготь», помилуй. Эта женщина была чем-то особенным.

Она посмотрела на него снизу вверх своими пронзительными жёлтыми глазами. — Тебе нравится? — спросила она, голос был приглушён, но безошибочно дразнящим. Да, она уже знала ответ.

Она взяла половину, а затем и полностью. Её язык творил чудеса на каждом дюйме. Это... это

просто не имело смысла.

Руки Уильяма запутались в её волосах. Он был единственным мужчиной, который когда-либо делал это. Его пальцы крепко сжались, пока она сосала его. Он чувствовал, как давление нарастает, как жар сжимается в его яйцах, подталкивая его всё ближе к краю.

Но когда он уже был готов переступить грань...

— Мва!

Она отстранилась, оставляя его пульсирующим и отчаянным. Она послала ему последний поцелуй, усмехнулась и села на пятки, вытирая рот тыльной стороной ладони. Он пульсировал. Он ждал. Из головки сочился предэякулят. Это была грёбаная пытка.

— Ч-что?

Она ничего не делала. Она не собиралась ничего делать. Она просто собиралась оставить этот восхитительный тринадцатидюймовый монстр в покое. Пальцы Уильяма сжались в кулак, и он собирался схватить её, раздеть и оттрахать до потери сознания...

Пока лимузин внезапно не остановился.

— Ах-ах. — Вдова погрозила пальцем. — Никакого секса. Не после того беспорядка, который ты устроил. Не пока ты не переоденешься для меня.

Она послала ему последний поцелуй — знак уважения и знак своего плана. Она переползла, чтобы открыть дверь.

«Бля, бля, бля...!»

Даже если бы Уильям захотел, он не мог бы трахнуть её здесь. Он должен был подчиниться. Он должен был спрятать свой член, когда дверь открылась и хлынул свет. С его точки зрения, казалось, они были у высокого здания. Отель, да, он узнал его как тот, в который водил своих зарубежных клиентов. Он был пятизвёздочный и...

У него были звукоизолированные стены.

«Только не говори мне...»

С того самого звонка она всё это спланировала. Заставить его кончить в штаны, дразнить в машине — всё это было для того, чтобы закрутить его вокруг пальца. Уильям... рассмеялся. Что

ещё ему оставалось? Роковая вдова — их природа была природой доминатрикс. Женщина, всегда пытающаяся взять верх. Что ж, у неё это получалось, и она действовала в соответствии со своей природой.

Пока что.

Жирный член с венами, бегущими по всей длине, и здоровым количеством красной ярости. Головка была взбешена и сочилась предэякулятом. Чтобы Роковая вдова попыталась манипулировать таким мужчиной, как Уильям, требовалось мужество и опыт.

Однако он не жаловался. Если нет вызова, какой смысл?

Неудивительно, что она — Роковая вдова. Неудивительно, что Overwatch не мог её поймать. Она была красавицей во многих смыслах.

В номере отеля. Огромный тринадцатидюймовый член стоял по стойке смирно, пульсируя с каждым ударом сердца. Прохладный воздух комнаты не мог успокоить жар, исходящий от тела мужчины. Уильям был статуей чистой мужественности, его мышцы напряжены, член — памятник его мужской силе.

Он ждал. Он ждал. Он ждал. Она не торопилась.

Дверь щёлкнула, открываясь, и вот она — Амели Лакруа, женщина, которая сводила его с ума всю ночь. Она вошла, всё ещё в том алом платье, которое облегалo её задницу и грудь.

— Ты опоздала.

Амели усмехнулась, её бёдра покачивались, когда она приближалась к нему. — Как я всегда говорю, терпение, mon cher. Хорошие вещи приходят к тем, кто умеет ждать.

Она остановилась в дюйме от него, её взгляд упал на его член. Её губы слегка приоткрылись, и она издала тихий, одобрителный звук. — Люблю смотреть на сильные пульсирующие удары. — осторожное наблюдение. Просчитанный комментарий. Без предупреждения она развернулась и прижалась к нему задницей, прижимаясь своими упругими округлыми ягодицами к его длине. Её задница была грёбаным шедевром — идеальной формы, с достаточной упругостью, чтобы свести его с ума. Ткань платья почти не скрывала тепла её кожи, и Уильям не мог сдержать стоны, когда она прижималась к нему.

— Бля, Амели, — выдохнул он, его руки инстинктивно потянулись к её бёдрам. Но она шлёпнула его по рукам и уже отступила, поворачиваясь к нему с этой хитрой улыбкой.

— На кровать, — приказала Роковая вдова, не терпя возражений.

Уильям подчинился, откинувшись на мягкий матрас, его член стоял гордо и прямо на животе. Амели забралась на кровать, оседлав его в позе обратной наездницы. Она протянула руку назад, сжав его ствол одной рукой, и навела его на себя. Все эти разговоры о терпении, а киска этой девчонки говорила о том, что она не менее нетерпелива. Медленно она опустилась на его член, её тугая киска растягивалась, принимая его толщину. Уильям зашипел сквозь зубы, чувствуя, как её тёплые влажные стенки обволакивают его, дюйм за восхитительным дюймом.

— Мммм! Ты такой большой~!

Столько члена.

Так много члена.

— О божееее~!

Этот небрежный, дразнящий закат глаз. Она делала это нарочно. Она не кончала, она притворялась. Но сказать, что это не производило эффекта, было бы тоже неверно. Её маленький вздох был искренним, особенно когда весь его член оказался внутри.

Красное платье было накинуто сверху и скрывало то, что происходило внутри. Однако любой зритель мог видеть, что делал этот член. Роковая вдова вспотела.

— Т-такой толстый мальчик, да?

Её задница была прямо здесь. Прямо в пределах досягаемости. Её киска сжалась, а его руки остались безвольными. Он застонал, когда она начала двигаться, покачивая бёдрами вперёд-назад, её задница подпрыгивала в этом платье. Обратная наездница, её задница прямо здесь, и он не мог её коснуться.

— И-и как тебе? А? Нравится? Тебе нравится моя киска? — она говорила с прежней уверенностью, несмотря на всхлипы и вздохи между словами.

— Ты просто невероятна...!

Руки Амели скользнули к её собственной заднице, приподнимая платье и раздвигая её синие ягодицы, чтобы дать Уильяму идеальный вид на то место, где их тела соединились. — Тебе нравится то, что ты видишь? — поддразнила она, оглядываясь на него через плечо, продолжая прыгать на его члене.

ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП!

Платье больше не заглушало хлопки. Они были здесь. Полностью здесь. Её половые губы растягивались вокруг члена, который изменил её навсегда.

— О да, бля. — его взгляд был прикован к тому, как его член исчезал в её тугой киске. Желая сохранить доминирование, она опустила руку, нежно сжимая его мошонку, чувствуя её тяжесть, пока она трахала его. Она пыталась заставить его кончить первой. Она пыталась сделать то, что не удавалось ни одной женщине до неё.

— Б-боже! — её акцент стал гуще. Инстинкты взяли верх, её руки отпустили его мошонку, и её задница с силой опустилась. Её прогиб усилился, и, святой хер, какой это был прогиб.

Тело Роковой вдовы было сплошным расчётом и контролем. Тонкая в талии, бёдра плавно переходили в атлетическую дугу — не преувеличенную, а идеально сбалансированную. Её плечи были отведены назад, грудь вперёд, а поясница прогибалась в этом невозможном, безошибочном изгибе.

Платье не столько скрывало её, сколько обрамляло. Глубокий алый на фоне её фиолетовой кожи, высокий разрез, низкая спина, ничего случайного.

Никто не должен был на самом деле трахать её. Она часто убивала свои цели заранее. В редких случаях она, возможно, трахала их. Было ли это или нет — секрет Роковой вдовы.

Но это.

Этого точно никогда не случалось. Эта непреодолимая потребность быть трахнутой. Это непреодолимое желание улыбаться и с силой опускать свою задницу.

ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП!

— Putain! Cette bite... elle est trop bonne! C'est trop fort! Je ne peux pas! Je ne peux pas! Je ne peux pas!

— Б-бля! Э-этот член... он слишком хорош! Э-это слишком! Я не могу! Я не могу! Я не мо-о-огу!

Вот что она говорила. Вот что управляло ею. Этот член. Этот гигантский член. Это было невозможно. Все миссии, все эксперименты, все планы — и этот член разрушил её. Амели издавала пронзительный крик удовольствия.

Он усмехнулся. Она кончала.

— О боже, Уильям! — закричала она, её голос срывался, когда волны экстаза накрывали её. Она произнесла его имя своим эротическим акцентом. Французский и английский

смешивались и сливались, когда она погружалась глубже в свои потребности. В желание этого большого члена.

— Твой член, твой член, твой члееен! Ммм!! ОН ТАКОЙ ГРЁБАНЫЙ ВКУСНЫЙ!

Она продолжала, и она заплатила за это. Ещё один оргазм сотряс её тело, и её пальцы ног скрутились. Сила воли — нет, инстинкт и потребность толкали её продолжать, чтобы её ягодицы хлопали. Она понимала свой тип фигуры, свою задницу и реакции, которые она провоцировала.

Уильям не делал ничего. Её киска сжималась вокруг него, и она продолжала прыгать на нём. Она не держалась за его бёдра, она мягко сжимала его мошонку. Гладила её, любила и использовала как якорь. Это было странно.

Он шлёпнул её по заднице, чтобы получить ответ — и ответ он получил.

— Жерар научил меня этому, — выдохнула она, её голос дрожал, но в нём чувствовалась странная ностальгия.

Уильям положил руки за голову. — Похоже, он был хорошим человеком. — в его голосе прозвучала нотка уважения. Чтобы заполучить такую красотку? Фух. Должно быть, это было чудо.

Амели кивнула, закрывая глаза и слегка наклоняясь вперёд, её руки гладили его драгоценности. — Он был, — прошептала она. — Спасибо, что чтить его память. — она наклонилась ниже, нежно целуя его яйца. — Он любил это. Простые поцелуи в его яйца.

Дыхание Уильяма перехватило от этого нежного жеста, но у него не было времени задумываться об этом. Огонь внутри него был слишком сильным, слишком настойчивым. Он крепко схватил её за бёдра и, наконец-то, рывком притянул её на свой член. Она ахнула. Она испытала оргазм.

— Уильям!

Слишком поздно. Он вонзился в неё с новой силой. Стоны Амели становились громче, отчаяннее.

— Mon amour! Mon amour! Tu es tellement profond!

Он трахал её сильнее и быстрее, чем раньше. Она становилась всё громче. Она тяжело дышала, пытаясь успокоиться, и отчасти ей это удавалось. Он снова шлёпнул её по заднице. Неудивительно, что она была Роковой вдовой. Она заслужила это звание.

Её пальцы ног сжались сильнее, волосы упали, когда она опустила голову. Она дрожала от удовольствия, когда очередной оргазм пронзил её. — Я никогда... о боже... я никогда не кончала так много в жизни!

Вскоре она не могла больше опускать свою задницу. Всё делал Уильям.

ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП!

— Любовь моя, любовь моя... — она запрокинула голову. — ЛЮБОВЬ МОЯ, ТЫ ЗАСТАВЛЯЕШЬ МЕНЯ КОНЧАААТЬ!!!

Вот оно. Её киска внезапно сжалась как никогда прежде, и Уильям почувствовал ответное давление в своих яйцах, потребность освободиться стала невыносимой. Он думал, что сможет продержаться ещё пару толчков, но...

— Ты такая тугая!

Он не мог вырваться. Он и не хотел. Он вонзился в неё в последний раз, войдя по самые яйца, и сильно кончил, его сперма залила её матку густыми горячими струями. Амели издала последний, гортанный крик. Её позвоночник выгнулся, её задница выглядела толще и объёмнее, чем когда-либо, и затем... она рухнула вперёд. Она, казалось, не выдержала, обессиленная и бешено дрожащая.

— О господшш... хннгтххх... — она шлёпнула себя по заднице и, как робот, переключила язык. — Oh putain... cette bite... cette bite... Je n'ai jamais... Je n'ai jamais eu une bite comme celle-ci...!

Посмотрите на неё. Она прекрасно понимала, что говорит.

— О бляяя... этот член... этот члеен... у меня никогда... У МЕНЯ НИКОГДА НЕ БЫЛО ТАКОГО ЧЛЕНА...!

С тех пор как был Жерар, догадался он. Уильям сел и притянул её в свои объятия. Он крепко прижал её к себе, его грудь вздымалась, когда он поцеловал её в макушку. — Амели, — прошептал он, в его голосе было что-то более глубокое, чем просто похоть. — Ты невероятна.

Он сжал её грудь. Какой бы маленькой она ни была, это была всё же грудь. Он ущипнул её, и она издала маленький всхлип.

Печально известная Роковая вдова — одна из самых мерзких, самых разыскиваемых преступниц в истории человечества — посмотрела на него жёлтыми глазами, которые были мягкими и уязвимыми. Впервые с момента их встречи. — Уильям... ты... ты заставил меня снова почувствовать себя живой.

Его член всё ещё был внутри. Её киска сжалась и заныла. Она хотела большего, и она это получит.

...

...

....

Они были безумцами выносливости. Они были зависимы от секса. Уильям — от природы, а Роковая вдова — из-за улучшений, данных ей.

Он стоял, его руки сжимали сине-фиолетовые бёдра, как тиски, пальцы впивались в её мягкую плоть. Они были лицом к лицу. Её ноги инстинктивно обвились вокруг его талии, каблуки впились в поясницу. Его массивный тринадцатидюймовый член всё ещё был глубоко внутри неё, пульсируя с каждым ударом сердца, и она издала низкий, гортанный стон, когда он трахал её медленно.

Да, медленно. Не быстро, не заставляя её ягодицы громко хлопать, а медленно. Лоб ко лбу, глаза в глаза, тяжело дыша и при этом не целуясь.

Так было до тех пор, пока она не испытала оргазм. — Mon amour...! — она всегда кончала первой. За четыре часа Уильям кончил всего три раза. Он полностью и безраздельно доминировал над ней, что не имело смысла. Она планировала это. Она начала с обратной наездницы. Она даже предложила этот медленный, методичный секс.

Но Уильям...

Он

всегда

побеждал.

— Думаешь, ты можешь дразнить меня, Амели?

Он усмехнулся. Роковая вдова тяжело дышала. В ней ещё оставалась эта борьба. — К-конечно!

— Тогда как насчёт того, чтобы сделать по-моему? — он шлёпнул её по заднице и крепко сжал. К удивлению, убийца застонала, и внезапно её спина прижалась к стене, пригвоздив её к месту одной лишь силой его члена. Её алое платье было задрано до талии, её идеальная задница

прижата к прохладной поверхности стены.

Он не толкался, он просто был внутри. Но шлепок, движение...

— Мммм...!

Её ресницы затрепетали. Её киска сочилась. О бля, она ждала этого.

— Ты думаешь, что можешь заставить меня ждать, заставить меня чертовски жаждать тебя, а затем взять контроль?

Жёлтые глаза Амели расширились, её губы приоткрылись, когда она попыталась произнести слова, но Уильям не дал ей шанса. Он почти полностью вытащил свой член, оставив внутри только головку, а затем вонзился обратно с силой, от которой она закричала. Её голова ударилась о стену.

ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП!

ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП!

Сок из киски от чудовищного числа цепных оргазмов. Это не имело смысла. Было нечеловечески невозможно доминировать над Роковой вдовой так. Она была обучена и генетически изменена, чтобы выдерживать свои оргазмы.

— В чём дело!? А!? — Вбивать, вбивать, вбивать! Его член продолжал двигаться от головки к основанию, от головки к основанию. Удары были быстрыми. Это действительно озадачивало ум. Это озадачивало саму физику. — В чём дело!? Не поспеваешь!?

Её руки вцепились в его плечи, пока он трахал её безжалостными, карательными толчками. Она подпрыгивала, тряслась и кончала. Слова? Ответы? Пожалуйста. С тринадцатью дюймами члена, наказывающего её, не было речи, только булькающие стоны и всхлипы и вздохи, и невозможно было понять, что есть что.

Слёзы потекли по её щекам, когда он вонзался в неё снова и снова. Её киска сжалась вокруг него, пытаясь выдоить его член, но он не сбавлял оборотов. Теперь он был у руля, и он не собирался останавливаться, пока она не признает это.

— Скажи мне, Амели, — потребовал он, его голос был хриплым от желания. — Скажи, кто лучше. Я или твой бывший муж?

Глаза Амели закрылись, её тело извивалось. Её ответ не имел смысла.

«КШХКШКНМММИИНГ!»

Уильям замедлил толчки, снова почти полностью вытащив его из неё. — Я не расслышал, — сказал он холодным и властным тоном. — Скажи громче.

— Н-н-н-нужжжн... нужж... сщхчєднн... пожаааалуйста...

Она умоляла его. Роковая вдова умоляла его. Ха. Он победил. Он улыбнулся про себя и ждал. Головка его члена, всё ещё внутри, была крепко сжата. Она всё ещё хотела этого. Это был лишь вопрос времени, когда она захочет его глубже.

— Т-ты... хнггхх... — вопрос, вопрос, какой же вопрос задала себе убийца. — Ты! — закричала Амели, её тело дрожало, когда она пыталась снова насадиться на его член. — Ты лучше Жерара! О боже, любовь моя... мой Уильям, пожалуйста! ПОЖАЛУУУЙСТА~!!

Уильям усмехнулся, его член дёрнулся внутри неё, когда он дал ей то, чего она хотела. Он снова вонзился в неё, его яйца хлопали по её заднице. — А мой член? — он не двигался так быстро, как раньше, он хотел насладиться этим. Он хотел, чтобы она продолжала говорить. — Скажи, каково это.

— Он... он самый большой, который у меня был. — Амели застонала, её глаза почти постоянно были закатаны, и слюна начала стекать. — Боже, он такой большой...! Он так сильно растягивает меня! Я не могу... я не выдерживаю!

Уильям мрачно рассмеялся, его руки сжали её задницу, слегка приподнимая и меняя угол толчков. — О, ты выдержишь. Ты примешь каждый грёбанный дюйм меня, Амели. И тебе это понравится.

Быстрые толчки.оргазмические толчки. Толчки, сотрясающие разум.

Как Жерар мог конкурировать? Он был втрое толще и вдвое длиннее. Он был красавчиком, который трахал D.Va и Мэй. Он был таким одарённым ублюдком, который мог украсть жену одним своим дряблым членом. Он был больше, он был лучше.

Жерар был прототипом. Уильям был улучшением.

Амели буквально конвульсивно сжималась, когда он ударил по месту глубоко внутри неё, от которого она увидела белый свет. Непристойные, похотливые звуки достигли пика.

Уильям не остановился, не замедлился. Он трахал её сквозь оргазм, его член входил и выходил с жестокой эффективностью. Некогда устрашающая убийца дрожала, её ноги тряслись, она цеплялась за него изо всех сил. Каждая унция устрашения и высокомерия, которые она носила в себе, исчезли. — Я... я не могууу...! Э-это слишком много, любовь моя! — выдохнула она, её

голос едва был слышен из-за звука их хлопающих тел.

— Можешь, — настаивал Уильям. — Ты примешь всё, что я тебе дам, Амели. И будешь, блядь, умолять о большем.

Глаза Амели закатились, когда очередной оргазм пронзил её, её киска сжалась вокруг его члена, как тиски. — Бля! Уильям! Пожалуйста! Мне это нужно... мне нужен твой член... пожалуйста, не останавливайся!

Член Уильяма пульсировал внутри неё, давление в его яйцах достигло невыносимого уровня. Он чувствовал приближение своего освобождения, но был не готов отпустить. Он хотел заставить её кончить ещё раз, хотел услышать, как она выкрикивает его имя ещё раз.

— Проси, Амели, — потребовал он, его голос был низким и опасным. — Проси мою сперму.

Её киска сжалась вокруг него, когда она попыталась приблизиться к ещё одному оргазму. — Пожалуйста, Уильям, — умоляла она, её голос дрожал от отчаяния. Слышать её физическую дрожь и дрожь в голосе... заставило его яйца скрутиться. Он хотел кончить в эту женщину прямо здесь и сейчас, но он хотел услышать это.

«Скажи. Скажи!»

— Пожалуйста... пожалуйста, кончи внутри... мне это нужно... МНЕ НУЖНА ТВОЯ

СПЕЕРМААА~!!

Член Уильяма дёрнулся внутри неё, его яйца сжались, когда он почувствовал приближение своего освобождения. — Держи! Ты примешь каждую грёбаную каплю меня.

На удочку, наживку и поводок. Несколько часов назад Роковая вдова дразнила его. Она флиртowała с ним. Она заставила его кончить в штаны. Она унизила его. Сегодня ночью, свидетелем чему была луна, он отплатил ей сполна. Вся та сперма, что была в его штанах, теперь густыми струями заливала её матку. Семя Жерара было полностью забыто и стёрто.

Это была её новая жизнь. Это была новая Роковая вдова.

Он наполнил её до краёв, крепко прижимая к себе. Он наполнил её, пока она не поняла, что она официально новый человек. И Роковая вдова, и Амели Лакруа, и в то же время ни та, ни другая. Узел личности, который объединил их навыки, их желания, их историю и был скреплён семенем Уильяма.

Да, он был тем клеем, который скреплял эту новую женщину. В её подсознании она могла

только благодарить его.

Балерина, убийца, снайпер и женщина в ней благодарили его всем сердцем и душой.

<http://erolate.org/book/161/26040>